

В октябре этого года группа советских режиссеров, актеров и театральных критиков совершила туристскую поездку в Великобританию. Деятели театра познакомились с достопримечательностями Лондона, с музеями и театрами английской столицы, возложили цветы на могилу Маркса. Они побывали на родине Шекспира, в Стратфорде на Эйвоне, посетили университетские центры Оксфорд и Кембридж, были в старинных городах Колчестере и Ибсвиче, в местечке, где родился знаменитый живописец Кон-

стебль, в королевском Виндзорском замке и закончили свою поездку знакомством с предместьем Лондона Гринвичем.

В состав туристской группы вошли представители многих городов страны, в том числе новосибирцы — директор театра «Красный факел» Н.И. Никульков и театральный критик и литературовед доктор филологических наук Ю. С. Постнов.

Ниже публикуются заметки Ю. С. Постнова об этой поездке.

Дни в Англии

ЛОНДОН приветствовал нас солнечной погодой. Лондонцы уже не знают прежнего смога, этой смеси тумана, копоти и выхлопных газов: традиционные каминные топки теперь только очищены углем, на автомобилях поставлены фильтры, и тяжелый, непроходимый смог стал сегодня достоянием истории, о котором молодое поколение судит лишь по произведениям литературы.

Наша группа останавливается в фешенебельном отеле «Принц Уэльский». Это так называемый королевский район. Дома здесь очень дорогие. Многие из них украшены колоннадой в стиле викторианской эпохи. В этом районе некогда селились форсайты, считая для себя делом престижа владеть домами в непосредственной близости от Гайд-парка, в этих богатейших кварталах Лондона.

Мы входим в свои номера. Огромные постели под чехлом, на ночном столике два тома телефонного справочника и библия. В ногах — телевизор.

Гид нас предупредила:

— Не дай бог вам по телефону звонить — это впишут вам в счет, и придется дорого платить.

Вообще мы получили не сколько предупреждений:

— Завтрак вам обязаны давать английский, плотный — кукурузные хлопья с молоком. А если вам будут давать обычный завтрак, вы можете протестовать. В плату за питание входит и чай, а если вам не будут его давать, вы тоже можете протестовать — пусть не мудрят.

Кто-то рассмеялся:

— Придется нам начать свое пребывание в Англии с забастовки...

По телевизору передается новый многосерийный фильм «Анна Каренина», но нам не терпится посмотреть город. Почти всей группой устремляемся к известной всему миру площади Пикадилли-Серкус, где концентрируются кинотеатры, шоу, магазины, кафе. Судя по плану Лондона, нам предстоит пройти несколько километров. Транспорт здесь дорогой: оплата в автобусах и метро — в зависимости от расстояния, а в такси лучше и не садиться.

Справа от нас сверкают витрины роскошных магазинов, слева тянется чугунная ограда знаменитого Гайд-парка. Оттуда веет вечерней прохладой. Мы видим там на возвышении на фоне светлого неба грандиозную часовню, пульсирующую своими незнакомыми, непризванными очертаниями, в темноте замечаем машину с потушенными фарами — «Парковая полиция», проходя мимо асфальтированного уголка ораторов: здесь произносятся речи по воскресеньям, отсюда идут демонстрации в центр города, на Трафальгарскую площадь.

Нет, при всем желании мы не можем прийти на Пикадилли достаточно рано, чтобы поспеть, снажем, в кино. Садимся в двухэтажный красный автобус, хотя свободных мест на всех не хватает, а стоять в автобусе не полагается. Кондуктор, пожилая женщина, громко отчитывает нас, тем более, что у всех нас деньги крупными купюрами — у нее нет сдачи. Кое-как рассчитываемся и высканиваем из автобуса, смущенные и растерянные: здесь каждая мелочь может стать проблемой, особенно без знания языка.

Площадь Пикадилли встречает нас морем огня, световыми струями реклам, сверканием витрин, потоком машин и людей. Здесь торговля идет прямо на улицах, двери многих магазинов открыты настежь, люди толпятся у входа в молодежный авангардистский театр, стоят в очереди у входа в дансинг, влюбленные пары целуются на глазах у всех, и тут же несколько пожилых мужчин в потрепанных пальто уединяются на скамейке, чтобы приложиться к бутылке...

Я был на Пикадилли несколько раз, и меня поражало, насколько окружающие не обращают внимания друг на друга, позволяя каждому делать все, что ему хочется. Я стоял в самой середине людского потока и исправно делал записи в

блокноте, и никто не проявлял невольного любопытства — я был лишь предметом, на который не надо наталкиваться. Между тем, на площади появилось двое молодых парней — музыкантов, из которых один играл на банджо и пел, кричал хриплым голосом, а другой, в женском платье и шляпе, пикиал на скрипке. Потом первый сбросил одежду и, оставшись в полосатом нижнем белье, зажег факел, стал проводить им по своим рукам, вставил его в рот, а партнер ходил по толпе, собирая в шляпу мелочь. И тут вдруг раздались звуки барабана, бубнов, труб, раковин, и послышалось дружное многоголосное восклицание: «А-ля! Аля-ля!» И целая процессия парней, в каких-то буддийских облачениях, босоногих, с обреченными головами и маленькими косичками на затылке, в диком экстазе, воздев руки и пританцовывая, вышла на площадь и не менее часа бесновалась на ней...

Свобода нравов. И наряду с этим — внимательное и вежливое отношение прохожих, когда обращаешься к ним с вопросом: как найти такую-то улицу? Мне пришлось расспрашивать многих людей самых разных возрастов, и я встречал неизменную доброжелательность, которая тем более радовала, что всегда приходилось говорить: я — русский, я не говорю по-английски.

На другой день по приезде в Лондон мы знакомимся с английской столицей из окна автобуса. Проезжаем по Оксфорд-стрит, где сосредоточены самые роскошные магазины.

— Вот в этом магазине можно купить все от иголки до слона, — говорит гид. — Слона, конечно, тут нет, но, если потребуется, его вам доставят. Это очень дорогой магазин. Ни вы, ни я не сможем приобрести в нем ничего. Нужно идти туда, где подешевле, где идет сэйл — распродажа по сниженным ценам... Дорогие магазины хороши только тем, что можно узнать, какие вещи сейчас в моде.

Мы — в Сити. Здесь, на одной квадратной миле, сосредоточены все главные банки Лондона. Днем здесь работает миллион человек, ночью в Сити остается лишь пять тысяч сторожей. Проезжаем мимо государственного банка.

— За время его существования делались бесчисленные попытки его ограбить, — говорит гид. — Но не удалась ни одна.

И, словно в подтверждение этих слов, мы слышим полицейскую сирену, стремительно нарастающую. Все автомобили на улице останавливаются, и перед нами пронесется караван: машина, полная полицейских, за ней — тюремный фургон и в конце — снова полицейская машина.

— Везут кого-то на суд в Олд-Бейли, — замечает гид.

Проезжаем Трафальгарскую площадь с ее фонтанами, мраморными львами и огромной колонной, увенчанной статуей адмирала Нельсона. Площадь усыпана голубями, и всюду гуляет, толпится молодежь. Многие молодые люди сидят на ступенях Национальной картинной галереи и Дома Африки.

— Здесь часто бывают беспорядки, — говорит гид. — Особенно у Дома Африки: молодежь протестует против южноафриканских режимов.

Каждое Рождество на площади ставится огромная елка, которую присылает Норвегия в память совместной борьбы против фашизма.

В Англии свежи воспоминания о прошедшей войне. В соборе святого Павла, куда мы заходим, есть памятная плита — в честь добровольцев, которые во время войны сбрасывали на землю зажигательные бомбы с оловянного купота собора, являющегося по своим размерам вторым в мире (первый — купол собора святого Петра в Риме, третий — купол Исаакия в Ленинграде). Недалеко от собора, рядом с местом казни великого утописта Томаса Мора, поставлен памятник военным морякам.

На Темзе нам показывают стоящий на приколе военный корабль «Белфаст», который первым провел караван судов в Мурманск, а позднее открыл запоздалый второй фронт. Любопытно, что даже Черчилля ценят в Англии только за его заслуги в борьбе с фашистской Германией, но не любят за его деятельность предвоенных и послевоенных лет. Ирония судьбы проявилась в том, что памятник, поставленный ему возле парламента, должен был быть повернут лицом к парламенту, как он сам того пожелал, но получилось, что обращен он к табачному магазину...

О том, что англичане ничего не забыли, говорит и такой факт. В известном музее восковых фигур мадам Тюссо мы увидели фигуру Гитлера — он стоит не там, где собраны фигуры государственных деятелей современности и прошлого, а на лестнице, ведущей в зал, где размещены за решеткой фигуры знаменитых преступников, — Гитлер находится за пуленепробиваемым стеклом: несмотря на то, что создатели фигуры придали ему вполне благообразный вид, посетители музея раньше дружно плевали на него.

«Шрамы войны» — так называют лондонцы многие современные здания, которые построены на руинах, образовавшихся в результате варварских бомбардировок английской столицы. Но, поглядев, не эти здания, несмотря на их многочисленность, определяют лицо Лондона: еще с самолета мы увидели широчайшую панораму двухэтажных особняков под красными черепичными крышами, — эти особняки остались характернейшей чертой Лондона, как и других английских городов. «Мой дом — моя крепость», — этой многовековой традиции не могла похоронить ни война, ни послевоенная дороговизна, хотя дом и земля под ним остались самой большой статьей расхода среднего англичанина...

Но особняки не задерживают нашего внимания: они слишком одинаковы, а мы, как все туристы в мире, замечаем лишь то, что поражает наше воображение. Мы видим памятник Байрону, единственный во всей Великобритании. Проезжаем мимо арии Веллингтона, воздвигнутой в честь победы над Наполеоном под Ватерлоо: арка закрыта, проезд через нее разрешен только королеве. На Бэйнер-стрит мы, конечно же, ищем глазами дом Шерлока Холмса, но на этом месте стоит многоэтажное здание. Правда, в нем есть небольшая музей-квартира, есть и контора, служащий, который отвечает на многочисленные письма, идущие из разных стран, особенно из Америки, на имя знаменитого сыщика: его считают реальным лицом, более того — живущим в наши дни. Мы видим прекрасное здание готического типа, в котором живут богатые холостяки, многоэтажный дом, напоминающий улей, который десять лет пустовал, т. е. владельцу было выгоднее не сдавать его, пока парламент не возбудил против него дела. Но еще более поразительное сооружение возвели какие-то состоятельные владельцы — с огромным зимним садом в верхних этажах, с фонтаном и водопадами...

Лондон — город контрастов. Рядом с прекрасными улицами находятся улочки и переулки, заваленные мусором, — мусор в пластиковых мешках лежит по вечерам на тротуарах даже самых крупных магистралей. В переулках Сохо, района развлечений, функционируют китайские и итальянские рестораны, многочисленные подвальчики, у входа в которые к прохожим пристают сутенеры. Здесь ходить в одиночку небезопасно, хотя тут же в каменных колодцах дворов за проволочной сеткой играют дети. В Лондоне насчитывается свыше ста пятидесяти парков, но во многих улицах царит камень, бетон, асфальт, и нет ни единого цветка, ни клочка травы. Может быть, поэтому владельцы особняков хотят иметь хотя бы самый крошечный садик у входа в свой дом.

Но мы расстаемся с современностью: наша группа идет в Тауэр.

(Продолжение следует).